

Гийом Аполлинер

КОНЕЦ
ВАВИЛОНА

Перевод с французского,
предисловие и комментарии

МИХАИЛА ЯСНОВА

*Издание осуществлено в рамках программы содействия
издательскому делу «Пушкин» при поддержке
Французского Института в России*

*Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme
d'aide à la publication Pouchkine, a bénéficié du soutien
de l'Institut français de Russie*

Programme
A Pouchkine

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Гийом Аполлинер был удивительным писателем.

Имеется в виду не его поразительная пронизательность, не его открытия, не его роль «завершителя» классического периода французской поэзии и пропагандиста нового лирического сознания. Речь о том, что почти все, написанное Аполлинером, – про него самого и только про него самого. Прежде всего, что понятно, – любовная лирика. В редких стихах оптимистическая, по большей части наполненная недосказанной меланхолией, а то и трагичностью. Проза поэта по природе своей – не исповедальная, но и в ней он нередко ассоциирует себя со своими героями и персонажами, то с драматическим пафосом, то с едкой иронией рассказывая о себе или о том, как он представляет мироустройство и свое место в культуре.

В новелле «Эстетическая хирургия» Аполлинер повествует о фантастической клинике, врачи которой совершают чудеса: фабричный надзиратель обзаводится здесь еще тремя глазами, политик – дополнительным ртом, полицейский – новой парой рук, а знаменитый натуралист просит пересадить ему на кончики пальцев глаза колибри, чтобы еще пристальнее изучать природу. Рассказчик иронизирует над ретивостью ученых, готовых видеть в физическом улучшении человеческой породы панацею от бед современной цивилизации.

Но – как это нередко случалось в писательской практике Аполлинера – сюжет оказался только поводом, чтобы вывести формулу для нового явления. Так под его пером появились в свое время орфизм и сюрреализм. Так на смену пластической пришла эстетическая хирургия.

Новое сознание, о котором Аполлинер размышлял всю свою творческую жизнь и которое в конце ее «сформулировал» в работе «Новое сознание и поэты» (опубликованной уже после его кончины)*, требовало новой эстетики.

«Возникающее новое сознание, – писал он, – намерено прежде всего унаследовать от классиков твердое здравомыслие, убежденный критический дух, цельный взгляд на мироздание и человеческую душу... <...>

Исследование и поиск истины – как в сфере, скажем, этической, так и в области воображения – вот основные признаки этого нового сознания».

В то же время оно требует «невообразимой по изобилию свободы», это синтез искусств, это литературный эксперимент, и это – изумление.

«Именно благодаря изумлению, благодаря той значительной роли, какую отводит оно изумлению, новое сознание отличается от всех предшествующих художественных и литературных движений. <...>

Новое сознание – это сознание той самой эпохи, в которой мы живем. Эпохи, изобилующей неожиданностями**.

Эстетика, которую предлагает Аполлинер, лежит в русле объединительной идеи: это эстетика всего здорового в классической традиции и всего необходимого, чтобы отступить от нормы.

* Доклад был прочитан Аполлинером в театре «Старая голубятня» 26 ноября 1917 г. Опубликован в литературном журнале *Mercure de France* 1 декабря 1918 г.

** *Аполлинер Г. Новое сознание и поэты // Писатели Франции о литературе. М., 1978. С. 53, 58, 62. Перевод В. Козового.*

Явлением поэта буквально отмечено наступление столетия: осенью 1901 года увидели свет первые публикации – сначала стихи*, потом статья, – и с этого времени отсчитывается существование в литературе Вильгельма Костровицкого, который через год, с публикации рассказа «Ересиарх», обрел литературную жизнь и судьбу под именем Гийома Аполлинера.

Его последнее по времени собрание сочинений (далеко не полное – в нем, в частности, отсутствует переписка) насчитывает четыре увесистых тома в самом престижном французском издании – «Библиотеке Плеяды», однако лирика и поэтический театр занимают всего лишь один из этих томов. Аполлинер был и блестящим прозаиком, автором книг «Гниющий чародей» (1909), «Ересиарх и К°» (1910), «Конец Вавилона» (1914), «Три Дон Жуана» (1915), «Убиенный поэт» (1916), «Сидящая женщина» (опубликована в 1920 году), многих рассказов, «сказок» и историй, сохранившихся в рукописях или разбросанных по журналам, и проявил в них себя мастером самых разных литературных жанров – от элитарных до ставших впоследствии массовыми. В прозе Аполлинер, как правило, следовал и описывал прежде всего незаурядные движения души, неожиданные поступки, нередко приводящие к трагическим последствиям.

Говоря кратко, эксперимент Аполлинера-прозаика заключался в попытке продолжить, приблизить к современности, максимально разнообразить виды и жанры литературы и художественно их обосновать; его прозаическое творчество – это квинтэссенция грядущей беллетристики. Он оказался сродни Сезанну, чьим полотнам посвятил многие страницы своих критических изысканий и в ком усматривал ростки чуть ли не всех течений новейшей живописи.

* Первая публикация стихов Вильгельма Костровицкого состоялась 15 сентября 1901 г. в газете La Grande France.

«Конец Вавилона» «врисовывается» в этот перечень. Написанный не столько для того, чтобы просветить читателя, сколько для того, чтобы завлечь его в ловушку ложных обстоятельств, роман становится чуть ли не пастишем, пародией на историю и на сам жанр, который он представляет – это текст, оживляющий эпоху декадентства, в котором под прозрачными псевдонимами выведены на сцену многие друзья и знакомцы Аполлинера.

Картины последних событий эпохи исторического Вавилона, показанные через судьбы персонажей, заимствованных автором из собственного окружения, создают трагикомическую реальность повествования. Критики не раз подчеркивали провокационность и скандальность «Конца Вавилона», что в свою очередь также привлекает внимание к этому приключенческому и интеллектуальному тексту.

«Конец Вавилона» – один из трех романов, вышедших в серии «История в романах» в 1913–1915 гг. («Рим Борджиа», «Конец Вавилона» и «Три Дон Жуана») и подписанных именем Аполлинера. Однако первый из них, как установили французские исследователи, был написан другом поэта писателем Рене Дализом. Роман «Три Дон Жуана» уже переведен на русский язык*. Теперь к нему присоединяется «Конец Вавилона», продолжая жизнь «русского» Аполлинера, прежде всего – Аполлинера-прозаика. Лирики уже воздвигли тот мост, который, подобно мосту Искусств, соединяющему правый и левый берега Сены, Монмартр и Монпарнас, соединил две поэтические культуры, обозначив возможные маршруты дальнейшего пути.

МИХАИЛ ЯСНОВ

* *Аполлинер Г. Три Дон Жуана.* СПб.: Лениздат, 2014. Перевод Аси Петровой.

Глава I

ОТБЫТИЕ ИЗ ЛЮТЕЦИИ

Проказы Виетрикса. – Известный галльский предприниматель. – Полихромия. – Забавы в Лютеции. – Философические пирушки. – Караваны финикийцев. – Первые кельтские вторжения. – Характер паризиев. – Дочь Эрина. – По Галлии. – Под дольменом. – Друид. – Их культ. – Оракул свастики.

Без особого восторга покидал молодой Виетрикс остров Лютецию, когда там шла подготовка к Празднику весны. Он любил этот родной для него пейзаж: эту извилистую реку, ее поросшие камышом берега, а вдали, на севере и на юге, два зеленеющих холма. Он любил столицу паризиев и ее удовольствия. Однако отец был категоричен. Да и сам Виетрикс понимал, что его бесчисленные проказы требуют передышки.

Его отец был одним из самых богатых и уважаемых людей этой части Галлии. Под его руководством проворные ремесленники обучались искусно обрабатывать бронзу, олово, железо и золото. От Арморики до Савойи высоко ценились инкрустированные ножны и портупейные замки

работы мастеров отца Виетрикса. Купцы из восточных краев, где обитали кельтские племена, и с южных гор, где нашли приют иберы, закупали у него товар крупными партиями. Да и модницы с острова и его окрестностей знали, где приобрести самые изящные украшения: колье, подвески или браслеты.

В Галлии только что появилось новое искусство – искусство полихромии. Бронзовые вещицы с инкрустацией имели приятный вид, от которого уже были без ума все местные богачи. Работы производились главным образом с красными кораллами.

Именно этими кораллами как предлогом воспользовался папаша Виетрикс, чтобы удалить от утех Лютеции своего отпрыска, чье присутствие, впрочем, совершенно не представляло необходимости для продвижения его дел. В самом деле, молодой человек вовсе не ощущал в себе жажды надзирать за отцовскими мастерскими, хотя, разумеется, ценил редкостное качество парижского искусства. Для себя и своих любовниц он предпочитал богатые и изысканные украшения, однако его природной склонностью была возвышенная созерцательность – механическая размеренная работа вызывала у него отвращение. Виетрикс предавался мечтам о странных и невероятных предназначениях. Он принадлежал к тому поколению, которое тратит, а не копит.

При случае он мог воспользоваться оружием, схватиться с врагом врукопашную или загнать зверя на охоте. Он был крепок, высок, хорошо сложен и приятен лицом – с каштановыми волосами и светлыми глазами. Совсем недавно на равнинах, простирающихся за северным холмом, он в компании нескольких друзей истребил целое стадо горбатых жвачных. Однако куда более ему нравились ученые разговоры об искусстве, философии и литературе, для

которых, увы, он не мог сыскать достойных собеседников. В обстоятельствах жестокой борьбы за жизнь, в пылу соперничества амбиций насущные дела мало кому позволяли подобные развлечения. И все же общество в Лютеции было одним из самых просвещенных.

Будучи страстным любителем ученых дискуссий, Виетрикс не упускал случая пригласить проезжих знатных чужеземцев к столу, где за трапезой затрагивались весьма серьезные темы. Эти философические пирушки, говоря по чести, обыкновенно заканчивались разгулом и оргиями, поскольку Виетрикс имел обыкновение приглашать на свои вечеринки некоторое количество беспечных молодых людей, а те старались увести разговор в сторону и прекрасно в этом преуспевали.

* * *

Итак, Виетрикс вынужден был покинуть добрых приятелей, шайку веселых выпивох, и, последовав приказанию отца, отправился на Йерские острова, где, как известно, прибрежные жители в большом количестве добывали кораллы. Как раз в это время в Лютецию прибыл многолюдный обоз финикийцев, с которыми долгие годы состоял в торговых отношениях папаша Виетрикса. Эти смуглые люди явились из Корнуайя, где находились богатые оловянные копи. Взяв груз, они рассчитывали через Галлию достичь берегов Средиземноморья, надеясь по дороге заключить какую-нибудь сделку с лигурийцами или кельтами, постепенно продвигавшимися в сторону Рейна.

По Галлии из года в год все чаще рыскали высокие белокожие парни с длинными светлыми волосами и голубыми глазами – сыны кельтских племен, все ближе и ближе подступавших к владениям галлов с востока. Эти молодые

люди были весьма образованы, знали толк в религиозной и светской поэзии. Кроме того, они были хороши в искусстве сатиры, сочиняя воинственные куплеты, которые войны должны были декламировать своим противникам, прежде чем ринуться на них с копьем наперевес. Виетрикс, как и следовало ожидать, не упускал случая встретиться с ними, что вызывало недовольство галльских старейшин, подозревавших кельтов в тайной подготовке вторжения на их земли.

Сам Виетрикс не был чистокровным лигурийцем. Столько народностей уже сменилось на берегах Сены! Благодаря опасным трясинам, которыми была окружена Лютеция, ее положение оставалось надежным с военной точки зрения и в то же время выгодным – с коммерческой. В силу этого обстоятельства паризии словно бы жили здесь наособицу и уже повсеместно славились своими умелыми ремесленниками, художественным вкусом и довольно трезвым умом.

Итак, Виетрикс обнял прощальным объятием свою возлюбленную – рыжеволосую дочь Эрина с глазами цвета морской волны, девчонку, волей неведомого случая попавшую в Лютецию. Он, конечно, немножко любил ее; любил, потому что первым обуздал ее пугливую душу и склонил ее тело – это красивое тело ослепительной белизны – к затейливым наслаждениям. Однако любовь непостоянна. Итак, Виетрикс поцеловал ее в алые, как у спящего ребенка, губы, в бугорки ее крошечных грудок, простился кое с какими друзьями и занял свое место в караване финикийцев.

Багаж его был не тяжел: оружие да несколько конопляных туник. А главное, он позаботился прихватить в отцовском доме мешочек, набитый золотым песком. Такая валюта пользовалась большим уважением во всех странах.

Дорога оказалась не из легких. Обоз по большей части двигался вдоль рек, спускающихся к Средиземноморью. Но как-то ночью застигнутые грозой путники заблудились в лесу. Наконец они нашли приют под высоким дольменом, возле которого стояло круглое приземистое сооружение. Это было место проведения погребальных обрядов. Недавно здесь оказывались последние почести останкам какого-то вождя. Обозники кое-как расположились на ночлег.

В эту ночь Виетрикс спал беспокойным сном – его одолевали сожаления. Он вспоминал безмятежную жизнь в родном городе и печалился, что вел себя столь легкомысленно. Насколько уютен был отчий дом, настолько же отдых среди мертвецов был лишен уюта! Ни он, ни его товарищи не осмелились прикоснуться к съестным подношениям, оставленным для мертвых благоговейными руками. Ах, если когда-то он и стремился отправиться на Йерские острова, то теперь определенно раскаивался в своем заблуждении!

Наутро, едва проснувшись, обозники обратили внимание на незнакомца в длинном белом одеянии. В его руке блистал кривой золотой нож. Виетрикс уже не раз слышал, что кое-где в лесах установились новые обычаи, пришедшие с северных островов, – его маленькая возлюбленная иногда по вечерам рассказывала ему легенды о загадочных друидах. Безусловно, странный человек отправлял этот культ.

И верно, перед ними стоял друид. Виетрикс был рад познакомиться с ним. Жрец, чувствовавший себя здесь, в этом жертвенном месте, как дома, оказал всем знаки гостеприимства. Виетрикс удивился такой доброжелательности, он думал, что подобные погребальные церемонии

и культ камней восходят к древней, скрытой от посторонних галльской традиции.

Однако друид дал ему объяснения. Он признает главенство за божествами огня, источников и лесов. Кто из людей, с каких угодно незапамятных времен, отважился пренебрегать поклонением этим силам природы, милостивым и благотворным? Таким образом выходит, что это всеобщее наследие. В остальном священник признавал, что не вправе отвергать божества новых земель, в которые постепенно проникает его культ. Он был согласен даже с человеческими жертвами грозным божествам войны и любви. В его деле приходится приспосабливаться к обстоятельствам.

Виетрикса всегда интересовали необычайные жизненные ситуации, он был счастлив побеседовать с этим многознающим и незаурядным человеком. В ходе разговора он в конце концов поведал жрецу о своем изматывающем странном недуге – ничто больше его не удовлетворяет. Хотя он и знает Лютетию как свои пять пальцев, теперь он сожалеет, что покинул город, и не может решить, следует ли ему сейчас же вернуться или все же пуститься в дальнейшие приключения.

Священник долго размышлял. Затем, заглянув Виетриксу прямо в глаза, так сказал ему:

– Сын мой, судьба твоя не здесь. Терзания твои не смогут избыть себя среди того грубого и неотесанного народа, каким являемся мы, твои соплеменники. Позже, умудренный и опытный, ты вернешься к нам. Спасти тебя должна женщина. Кто она, я не знаю. Однако я вижу, что она рождена под сокровенным знаком, который я прочерчу кончиком своего ножа на этом священном камне. Смотри. Ты найдешь ее по этому знаку.

– А в каких краях, отец мой?

– Там, в теплых странах, в том краю, где каждый день сияет жаркое солнце.

– И я не остановлюсь, пока не повстречаю ее?

– До того ты не будешь знать покоя.

Сказав это, друид удалился. Виетрикс взглянул на на-
чертанный им на камне знак. Это была свастика.

Виетрикс уже встречал прежде этот знак. Он видел сва-
стику на некоторых весьма старинных украшениях и пом-
нил, что, действительно, с этим символом связан какой-то
религиозный смысл. Впрочем, традиция толкования этого
символа, как и многих других, была утрачена.

«Моя судьба не здесь! Там, на Востоке... Женщина
под священным знаком? Ну и? Да ладно! Стоит попро-
бовать...»

Глава II

В СТОРОНУ ЗАГАДОЧНОГО ВОСТОКА

Финикийские корабли. – Марсель. – В домах терпимости. – Средиземноморские девушки. – Старый марселец. – История прекрасной Жиптис. – Пагубные последствия пьянства. – Продавец рабов. – Евнух в море. – Наказание рабыни. – Отплытие.

Жребий был брошен. Среди трех слуг из отчего дома, сопровождавших Виетрикса в путешествии, один пользовался его особым доверием. Виетрикс поручил ему сделать закупки на Йерских островах, доставить кораллы в Лютетию и предупредить отца, что его сын на судне финикийских купцов отплывает из Марселя на восток. Пусть не беспокоится! Рано или поздно он возвратится в лоно семьи. Единственное, о чем он просит того, кто даровал ему жизнь, – соблаговолить время от времени передавать ему с караванами через торгового агента в Тире несколько мешочков драгоценного золотого песка. Касательно всего остального, то во время своих странствий он позаботится о том, чтобы преумножить знания о ремеслах и искусствах, каковыми по его возвращении сможет воспользоваться папаша Виетрикс.

Два финикийских парусных судна и три большие галеры, входившие в состав маленькой эскадры, после похода в Гасконь требовали ремонта. Когда они огибали Армориканский мыс, на груженный оловом караван буквально обрушился сильнейший шторм и частично привел в негодность корабельную оснастку.

Командовавший морским караваном капитан Мирабаль, гигантского роста и довольно отталкивающей внешности, на самом деле оказался человеком мягким и обхо-

дительным. Взамен на некоторые услуги он предложил для продолжения путешествия юному Виетриксу свое собственное судно. Правда, похоже, такое решение не доставило большого удовольствия капитану второго корабля по имени Канабаль, косо смотревшему на чужеземца и даже не позаботившемуся оказать тому честь, пригласив к себе на борт. К превеликому счастью, Мирабаль, как старший по возрасту, был главой этой маленькой флотилии.

* * *

Несколько дней Виетрикс посвятил осмотру Марселя и его окрестностей. Этот фокейский город уже был развитым торговым центром; к несчастью, его процветанию мешали внутренние распри. Лигурийцы, поначалу принявшие чужеземцев, теперь неодобрительно смотрели на их обогащение.

По вечерам, поужинав на набережной похлебкой с шафраном, которую так хорошо умеют готовить марсельцы, Виетрикс обыкновенно направлялся в нижние кварталы города, где располагались разнообразныe кабачки, посещаемые моряками и портовыми. В одних собирались судовладельцы, судовые приказчики, капитаны, в других – матросы.

Там можно было увидеть девиц со всех концов света: из Восточного Средиземноморья; маленьких лигуриек, светлокожих, но темноволосых, шаловливых, смешливых и склонных к обману; смуглых, пылких и страстных этрусских девушек с тонкими чертами лица; привезенных с крайнего юга черных большеглазых рабынь, одновременно сияющих и мрачных. Блондинки были редкостью. Виетрикс, пока не очень привычный к подобным женщинам, испытывал по отношению к ним нечто вроде робости.

Хотя, как он полагал, в Лютеции он вкусил все возможные наслаждения, чувственные и бесстыдные южанки пугали его. Они казались ему представителями другой, далекой от его собственной, породы. Некое религиозное чувство как будто подсказывало ему не приближаться к ним. Однако ему нравилось, потягивая превосходные напитки, заставляя их подолгу плясать перед ним обнаженными.

Как-то вечером, в третьесортном заведении, посещаемом портовым сбродом, беглыми матросами и левантийскими грузчиками, у него произошло странное знакомство с жалким нищим, похоже, уже долгие годы жившим милостью содержательницы притона и ее девочек. Внимание Виетрикса привлекло его строгое печальное лицо, и он без колебаний пригласил старика распить с ним кувшин великолепного вина с берегов Роны.

* * *

– Увы, благородный чужеземец, – начал свой рассказ старик, – редко теперь встретишь столь приветливую физиономию, как твоя. Деловые люди – да приберет их к себе жестокий бог Гамм! – захватили все. В этом прекрасном солнечном краю не найти теперь наслаждения в спокойных мечтах. Чтобы жить, надо работать, извлекать выгоду, делать дела, да мало ли что еще! В былые годы у нас не было другой заботы, кроме как, разгоняя кровь, время от времени объявлять войну нашим соседям. Еда, любовь – все было под рукой. Ах, зачем проклятые чужестранцы когда-то ступили на эту землю? Зачем мы разрешили им высадиться? И если какая-то доля вины лежит на мне – ты видишь, я за это жестоко наказан.

– Продолжай, почтенный старик, ты сильно заинтересовал меня.

– Тогда выслушай мою историю. Царь Нанн, глава племени сигобригов, был самым могущественным правителем побережья. Сам я, мелкий царек, владел всего одним склоном и одним мысом, где росли оливы да виноград.

Нанн хотел выдать замуж свою единственную дочь, прекрасную Жиптис, с кожей белее морской пены и смеющимися глазами, Жиптис, на груди которой был след священного ножа. Что может быть прекрасней, друг мой, чем грудь девственницы? Девственницы! Увы! В здешних местах таких не встретишь.

В борьбу вступило множество претендентов. Я был одним из них. Исполненный юношеского задора, я, по правде сказать, растратил наследство своих предков. Проиграл не один урожай. Вот если бы мое скромное состояние могло округлиться за счет великолепных земель этого залива!.. Вдобавок я был влюблен в Жиптис.

Могу сказать, я достаточно ловко вел осаду. Душа юной девы была чище морской воды, что омывала мой мыс ясным весенним утром. Так что я стал воздерживаться от грубых шуток, которые охотно отпускали мои собратья. Но вовсе не потому, что не люблю вольные выражения. Напротив! Эти греки, со всей их утонченной речью, с их изысканностью, вредят гальскому духу. А мне просто не хотелось задевать ни ее уши, ни ее чувства. Тогда я даже сочинил изящный стишок, который, смею сказать, получил ее одобрение.

Единственным моим несчастьем было то, что я родился на склоне, где наливаются под солнцем тяжелые гроздья!

Жиптис никому, даже своему отцу, не открыла, кого выбрала себе в женихи. Возможно, она и сама еще не знала. Старый правитель, добрый человек, не испытывал ни малейшего желания торопить дочь. Та колебалась. Однако

пообещала, что в день Праздника моря назовет счастливого избранника.

По обычаю в дом царя приглашали послов, капитанов судов или чужеземных богатых купцов. В остальном в то время подобные дворцы были куда менее роскошными и благоустроенными, чем наши постоянные дворы. Как раз в те дни прибыли люди с Востока. Они привезли ткани, образцы которых преподнесли царю и его дочери. В благодарность Нанн пригласил на пиршество их старшего, отзывавшегося на имя Эуксен. Это был человек невысокого роста, некрасивый и неприметный. Оказавшись за столом подле него, я едва заметил его присутствие. По правде сказать, несколько глотков благородного золотистого сока с моего склона с самого начала отвлекли мое сознание от суетных случайностей этого мира.

Во время десерта Жиптис поднялась со своего места. В руке она держала чашу, ту самую, что один художник отлил по ее груди, так что нам было дозволено судить о точности исполнения. С девственных плеч соскользнуло прозрачное покрывало из тончайшего газа, из тех, что купцы с Востока преподнесли царю. Порой показывалась ее великолепная грудь, а под легкой тканью угадывалось стройное тело. Забыл сказать вам, что Праздник моря отмечают летом, в самую жару. Жиптис была столь прекрасна, это видели все, так что, отныне и впредь почитая себя ее законным обладателем, я даже испытывал некоторую ревность.

И действительно, юная дева обошла вокруг стола, оглядела всех соперников, претендентов на ее любовь, старавшихся принять самые выгодные позы, — она оглядела их всех и с пренебрежением прошла мимо. Потом приблизилась к тому концу стола, где скромно возлежал я. Остановившись передо мной, она медленно опустила золотую чашу, которую держала над головой. Ах, какой гордостью,

каким довольством исполнилось в этот миг мое сердце!
Я думал о разочаровании своих конкурентов, о своей увенчанной победой страсти, о моем мысе, о ее заливе!

– Принц Ласьота, – сказала она мне (таково было имя моего фьефа), – прими эту чашу.

Я поклонился, подыскивая приличествующий случаю комплимент, и произнес какую-то самодовольную несурезицу.

Чертова идея!

По лицу юной девы пробежала едва заметная тень, и она отдернула руку.

– Возьми эту чашу, – снова начала она отрешенным и суровым тоном, – и передай ее своему соседу.

Моему соседу. Но это же мелкий греческий торговец! Я решил, что девушка ошиблась. Но нет! Ее поведение прямо говорило о том, что такова ее воля. Я повиновался, но рука моя дрогнула, и несколько капель золотистой влаги упали на одежду презренного.

А тот и не усомнился. Этот деляга тут же все понял. Он залпом осушил чашу, поднялся с места и твердым шагом обошел вокруг стола вместе с отдавшей ему свою руку принцессой.

Так Эуксен, мой недруг и соперник, стал правителем здешних мест. Так здесь обосновались греки. Вот почему в приступе отчаяния я полностью растратил свое состояние на всякие безрассудства и погряз в этом месте! Ах, сколь прихотлив женский нрав!

* * *

Наступил день отплытия. Заплатив хозяйке за постой, Виетрикс со своими пожитками – кое-какой одеждой и купленными в Марселе туалетными принадлежностями – направился к портовой набережной.

На два торговых судна и три галеры грузили тюки с самыми разнообразными товарами. Фокейская колония в то время вела уже активную торговлю не только с греческими полисами, но и с левантийскими странами.

Финикийские купцы, прошедшие через Галлию, распределались по разным судам – они хотели сами следить за своим грузом.

Виетрикс был сильно удивлен, увидев, как в последний момент к трапу самой маленькой галеры прибыла группа женщин в длинных одеждах и под покрывалами. Их сопровождал какой-то человек с грубыми манерами, которому помогли двое других, женоподобных.

Один из финикийских купцов пояснил Виетриксу:

– Это местные рабыни. Купец приехал за ними, чтобы хорошо продать их любителям в Тире, Сирии и Халдее...

Любопытный от природы, Виетрикс устроился подле трапа, по которому одна за другой с трудом поднимались пассажирки. Однако, когда он принялся внимательно рассматривать карабкающуюся по ступенькам хрупкую худенькую и смуглую девчушку, один из евнухов грубо оттолкнул его. В ярости Виетрикс ткнул того кулаком. Жирная тварь, мягкая, словно разваренный судак, оступилась и с шумом рухнула в горькие воды залива.

Тут же собрались зеваки – мальчишки, чьим ремеслом было ныряние за брошенными путешественниками монетами, заметили прыгающую в волнах голову. Наконец какому-то проворному матросу удалось багром подцепить евнуха за трещащие по всем швам льняные портки и вытянуть на палубу.

Купец хотел отомстить Виетриксу, но вмешался Мирабаль. В конце концов торгош дал приказание отправить смуглянку, невольную виновницу происшествия, в самую нижнюю каюту, связать ее и не выпускать вплоть до осо-

бого его распоряжения. Бедная малышка расплакалась, и Виетрикс горько раскаялся в своем неуместном любопытстве. Она бросила на него укоризненный взгляд, доставивший, впрочем, ему определенное удовольствие.

Что ему особенно не понравилось в произошедшем инциденте, так это поведение Канабалья. В тот момент, когда ссора могла принять дурной оборот, капитан второго судна не вымолвил ни слова в его защиту – наоборот, даже пытался подлить масла в огонь. Да и вообще похоже было, что они с работником большие друзья.

– Миленькая эта малышка, – небрежно бросил Канабаль приятелю. – Можешь высечь ее, а потом пришли мне.

– Вот уж нет, старина, – отвечал торговец. – Разбазаривать добро? Вы, матросня, только портите такой хороший товар. Если я и уступлю тебе какую-нибудь женщину, это случится не раньше, чем мы доберемся до Крита! Так что можешь подготовить хорошенькую кучку монет!

* * *

Тем временем матросы выбрали якоря. Стоя на капитанском мостике, Мирабаль отдавал последние приказы. Не без волнения взглянул Виетрикс на утлое суденышко, уносящее его от твердой земли, земли галлов. К какому новому приключению спешил он?

Завершив маневр, капитан склонился к пассажиру.

– День был не самый благоприятный, – сообщил он. – Но я совершил жертвоприношение Астарте. Да пребудут с нами древние боги кабиры, защитники мореплавателей!..

Голос старого морского волка задрожал.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА